

В. П. Карпов
**СЕВЕР И АРКТИКА В «ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ» СССР:
ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКСНОГО ОСВОЕНИЯ**

УДК 94(985)

ББК 63.3(2)633

Рассмотрена реализация государственной политики СССР в районах Севера и Арктики в 1960–1980-е гг. Накопленный к началу 1960-х гг. научный и экономический потенциал обусловил поиск новых подходов к разработке региональной политики. Этого требовали и задачи, стоявшие перед страной: необходимость обновления материально-технической базы народного хозяйства, ускорение темпов научно-технического прогресса, опережающее развитие прогрессивных отраслей индустрии, перестройка структуры топливного баланса в пользу нефти и газа. Успешное решение новых задач должно было привести к крупным изменениям в территориальном развитии производительных сил. Это обусловило необходимость подготовки «Генеральной схемы развития и размещения производительных сил страны и ее районов» (1960), которая характеризовала основные направления развития единого народнохозяйственного комплекса СССР в отраслевом и территориальном разрезах. Она предусматривала создание крупных территориально-производственных комплексов (ТПК), определяла их место в экономике страны. В статье рассмотрены расхождения в теории и практике создания северных ТПК; выясняется, как и почему нарушался принцип комплексности. Главным проектом СССР в 1960–1980-е гг. был Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. Особое внимание уделено научно-технической политике его создания. Показано, что допущенные ошибки были характерны для других ТПК Севера. Проблемы государственной северной политики рассмотрены в рамках модернизационного и мобилизационного концептуальных подходов.

Ключевые слова: *Север, Арктика, территориально-производственные комплексы, план, природные ресурсы, наука, техника*

Север с его громадным природным потенциалом имел стратегически важное значение для советской экономики, что и определило задачу разработки государственной северной политики. Сущность региональной политики в СССР Г. А. Агранат определил как плановые, нормативные действия в рамках территориальных схем размещения и развития производительных сил с учетом природно-климатической, хозяйственной, национально-этнической и иной специфики территории.¹ Эти действия в позднем СССР определялись предплановыми разработками Совета по развитию производительных сил (СОПС) Госплана СССР и партийно-государственными

директивами. Реальные возможности региональной политики зависели прежде всего от уровня социально-экономического развития страны, от господствовавшей социально-политической доктрины, от способности институтов власти адекватно отвечать на вызовы времени.

Институционально-организационные формы развития Севера в позднем СССР были призваны обеспечить реализацию комплексного подхода к его освоению. В 1960–1980-е гг. главным трендом советской экономики стало создание крупных территориально-производственных комплексов (ТПК) в восточных и северных районах страны. Проблемы комплексности в создании сибирских ТПК активно изучают новосибирские ученые из Института истории Сибирского отделения (СО) РАН.² В контексте теории модернизации проблемы Севера и Арктики исследуют историки ИИиА УрО РАН

¹ См.: Агранат Г. А. О региональном развитии и региональной политике // Свободная мысль. 1996. № 9. С. 28.

Карпов Виктор Петрович — д.и.н., профессор, кафедра истории и культурологии, Тюменский государственный нефтегазовый университет (г. Тюмень).
E-mail: 7654321.58@mail.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00300

² См.: Траектории проектов в высоких широтах. Новосибирск, 2011; Государственная политика России в Арктике: Стратегия и практика освоения в XVIII–XXI вв.: сб. науч. тр. Новосибирск, 2012; Тимошенко А. И. Особенности государственного управления в Арктике в 1920–1980-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 4. С. 41–45; и др.

в Екатеринбурге.³ В настоящей статье предпринята попытка показать истоки кризиса в развитии северных ТПК, соотнести замыслы и результаты их создания. При этом анализируется главным образом процесс создания крупнейшего в СССР Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК). Проблемы государственной северной политики будут рассмотрены в рамках модернизационного и мобилизационного концептуальных подходов, связанных с динамикой и особенностями общероссийского развития. Мобилизационная модель управления Севером и Арктикой сохранялась в своих принципиальных основаниях до конца советского периода. Отличие тюменского подвига заключалось, пожалуй, лишь в ненасильственном привлечении работников на «комсомольские стройки» Севера, хотя и здесь в 1960-е гг. до половины строительных коллективов составлял спецконтингент.

Индустриализация СССР вызвала к жизни первые крупномасштабные проекты освоения ресурсов Севера и Арктики: разработку месторождений апатитов и медно-никелевых руд Кольского полуострова, нефти Ухты, угольного бассейна Печоры, месторождений цветных металлов и золота Колымы и Чукотки, создание Норильского горнопромышленного узла; строительство порта в Игарке. Жестко централизованная, планово-командная экономика, сосредоточение всех ресурсов в руках государства позволяли сконцентрировать значительные силы на стратегически важных направлениях, решать крупные народнохозяйственные проблемы. Реализация сталинских проектов в Арктике стала возможной и благодаря массовому использованию принудительного труда заключенных Дальстроя, Норильлага, Ухтлага и других объектов ГУЛАГа.

Значение Севера и Арктики еще больше возросло со второй половины 1940-х гг. в связи с развязанной «холодной войной». В послевоенной политике СССР, как и до войны, экономические и военные цели были тесно связаны. Важным ресурсом в противостоянии США становилась нефть, поиски которой не прекращались в Заполярье даже в годы войны. А открытие в 1950–1960-е гг. новой нефтегазоносной провинции на Тюменском Севере

стало, по словам председателя Госплана СССР Н. К. Байбакова, «спасением» для страны.⁴

Север в проектах «Генеральной схемы»

К началу 1960-х гг. накопленный в регионах и стране в целом научный потенциал, с одной стороны, и выросшие масштабы экономики — с другой, обусловили поиск новых подходов к разработке региональной политики. Этого требовали и новые задачи, стоявшие перед страной: необходимость обновления материально-технической базы народного хозяйства, ускорение темпов научно-технического прогресса, опережающее развитие прогрессивных отраслей индустрии, перестройка структуры топливного баланса в пользу нефти и газа. Предполагалось, что решение этих задач позволит повысить и уровень жизни советских людей.

Успешная реализация новых проектов должна была привести к структурным сдвигам в экономике, крупным изменениям в территориальном развитии производительных сил. Это обусловило необходимость подготовки «Генеральной схемы развития и размещения производительных сил страны и ее районов», что было новым опытом в советской практике планирования. «Генеральная схема» (или «Генеральная перспектива») становилась, по сути, предплановым документом, который характеризовал направления развития единого народнохозяйственного комплекса СССР в отраслевом и территориальном разрезе. Наряду с Комплексной программой научно-технического прогресса СССР, разрабатываемой на 20 лет, «Генеральная схема» служила исходной базой для подготовки Основных направлений экономического и социального развития СССР на 5, 10 и 15 лет, а также государственных пятилетних планов.

По поручению Госплана СССР к разработке «Генеральной схемы» в качестве головной организации приступил СОПС СССР. 500-страничный научный отчет под названием «Генеральная схема», законченный в 1960 г., включал три раздела — «Общие проблемы размещения производительных сил в генеральной перспективе»; «Схема размещения основных центров материального производства»; «Проблемы перспективного размещения производительных сил в отдельных зонах

³ См.: История Ямала: в 2 т. Екатеринбург, 2010; Тимошенко В. П. Конфронтация и сотрудничество (советский опыт международных связей в освоении Севера) // Урал. ист. вестн. 2014. № 2 (43). С. 115–124; и др.

⁴ См.: Карпов В. П. «Это было спасением!» (К 50-летию Западно-Сибирского нефтегазового комплекса) // Нефтяное хозяйство. 2014. № 5. С. 119, 120.

СССР». Согласно указанию Госплана СССР, СОПС в 1964 г. представил проект «Генеральной схемы» на 1966–1970 гг., а позже — на 1971–1980 гг.

В период разработки «Генеральной схемы» СОПС провел научно-практические конференции и совещания в крупных областных и краевых центрах Сибири и Дальнего Востока. Конференции по проблемам развития производительных сил региона с привлечением представителей академических и отраслевых НИИ, работников Госплана и заинтересованных министерств состоялись в 1966 и 1968 гг. в Томске, в 1969 г. — в Тюмени. Предложения региона легли в основу ряда партийно-государственных распорядительных документов, включая постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири» (декабрь 1969 г.). В нем цель программы создания новой топливно-энергетической базы СССР была задана в виде контрольных цифр по добыче нефти на 1975 и 1980 гг., определялась также совокупность сопряженных задач, которые необходимо было решить для достижения намеченных объемов производства.

Обсуждение региональных проблем приняло самый широкий размах в мае 1969 г. на конференции по развитию и размещению производительных сил Сибири, организованной СОПСом совместно с Институтом экономики и организации промышленного производства АН СССР в Новосибирске. На пленарном заседании были заслушаны доклады академиков М. А. Лаврентьева, Н. Н. Некрасова, А. А. Трофимука, Л. А. Мелентьева, члена-корреспондента АН СССР А. Г. Аганбегяна о роли науки в развитии производительных сил Сибири, о месте Сибири в общесоюзном разделении труда, о проблемах освоения богатств Западно-Сибирской низменности, о топливно-энергетических ресурсах Сибири, ее социально-экономических проблемах.

В 1977 г. по инициативе Президиума СО АН СССР и его председателя академика Г. И. Марчука была разработана «Программа научных исследований и разработок по комплексному использованию природных ресурсов и развитию производительных сил Сибири» (программа «Сибирь»), которая стала играть ведущую роль в определении перспектив развития региона. В разработке и реализации Программы принимали участие научные центры в Ир-

кутске, Красноярске, Новосибирске, Томске, Тюмени, Улан-Удэ и Якутске. Научный совет по программе «Сибирь» во главе с известным геологом, академиком А. А. Трофимуком включал 6 секций. Секция регионально-экономических программ определила основы формирования главных территориально-производственных комплексов Сибири — Братско-Усть-Илимского, Нижне-Ангарского, Саянского, Верхне-Ленского, Южно-Якутского. Кроме того, проблемы ТПК были включены в программы секции минеральных ресурсов: перспективы развития ЗСНГК в качестве отдельного направления рассматривались в программе «Нефть и газ Западной Сибири»; Канско-Ачинского ТПК (КАТЭК) — в программе «Угли Канско-Ачинского бассейна» и т. д.⁵

В программе «Сибирь» ученые отстаивали принципы: 1) повышения уровня жизни сибиряков как необходимого условия развития экономики региона и планомерного регулирования демографических процессов; 2) комплексного развития экономики Сибири, подразумевавшего достижение баланса добывающих и перерабатывающих отраслей в регионе при максимально возможной эффективности производства, сокращении транспортных затрат и т. п.; 3) комплексного решения экологических проблем. Однако реализовать эти принципы оказалось очень непросто.

Первые успехи в реализации «Генеральной схемы»

Первые шаги в формировании крупных ТПК Севера и Арктики обнадеживали: в 1960–1980-е гг. в европейской части страны складывался Мурманский ТПК, в республике Коми и в Ненецком АО — Тимано-Печорский, в северной части Красноярского края — Норильский, а на севере Западной Сибири — нефтегазовый комплекс. О быстром наращивании экономического потенциала северных районов свидетельствуют темпы прироста валовой продукции в промышленных отраслях народного хозяйства севера Сибири. В 1960–1980-е гг. среднегодовые темпы роста электроэнергетики в традиционной зоне Западной Сибири составили 5,2%, а на Ближнем и Дальнем Севере — соответственно 45,2 и 28,9%; темпы роста промышленности строительных материалов в южной зоне — 5,6%, на Ближнем и Дальнем Севере —

⁵ См.: Куперштох Н. А. Интеграционная роль программы «Сибирь» в изучении производительных сил региона // История науки и техники. 2012. № 6. С. 29, 30.

32,2 и 52,7%.⁶ Аналогичные тенденции территориального смещения центров роста нового производства в направлении северных широт наблюдались в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Увеличение темпов роста северной экономики хорошо видно и на примере отдельных государственных субъектов. Так, в республике Коми объем валовой продукции промышленности вырос в 1960–1980-е гг. в 2,7 раза; в Якутской АССР — в 4,1; в Эвенкийском АО — в 9,7; в Ямало-Ненецком — в 27,4, в Ханты-Мансийском — в 36,8 раза.⁷

В январе 1966 г. правительством СССР было принято решение о строительстве первой атомной электростанции в Заполярье — в Чукотском АО. Для Билибинской АЭС была спроектирована уникальная система охлаждения, специально приспособленная для полярных условий. Первый энергоблок вступил в строй в конце 1973 г., последний, четвертый — в конце 1976 г. Ввод в действие АЭС дал толчок развитию производительных сил всего региона и преобразил Билибино, превратив его в современный красивый город. Не пострадала и уникальная экология Чукотки: на окружающем АЭС рельефе нет ни одного радиоактивного «пятна».

«Советский размах» в освоении Севера и Арктики был обеспечен во многом благодаря развитию инфраструктуры Северного морского пути и модернизации ледокольного флота. В начале 1950-х гг. Советский Союз стал лидером в мировом ледоколостроении. Наиболее крупным достижением в этой области следует считать первый в мире ледокол с энергетической установкой на ядерном топливе — атомход «Ленин». В ледовой атомной энергетике Россия до сих пор сохраняет лидерство. Все попытки создать мощное судно с атомной установкой в США («Саванна»), Германии («Отто Ганн»), Японии («Муцу») не были столь эффективными, как в СССР.

На начальном этапе создания ТПК большое внимание уделялось ускорению научно-технического прогресса. История районов нового промышленного освоения (РНПО) Севера показывает, что среди экономических условий наибольшее влияние на темпы и масштабы развития производительных сил, на комплексную разработку природных ресурсов оказывал уровень развития строительной базы. Одним из главных условий выполнения

обширной программы строительства на Севере была его индустриализация. Обычными, традиционными методами создать здесь новые отрасли индустрии было бы очень тяжело, но применение ряда совершенно новых решений позволило сделать это в короткие сроки. Комплектно-блочный метод позволил увеличить производительность труда на обустройстве сибирских месторождений в четыре раза. Суть его проста: максимум работ в заводских условиях, минимум — на стройплощадке. При этом окупаемость капитальных вложений в регионе составляла меньше года. Подобных примеров в СССР не было.

В начале 1980-х гг. уровень индустриализации в сооружении промысловых объектов на севере Западной Сибири достиг 65%.⁸ Чем больше были блоки, тем выше эффект. К сожалению, не все зависело от сибиряков. Необходимо было новое поколение оборудования. На комплектно-блочный метод следовало специально ориентировать машиностроение, но этого не было сделано. В Западной Сибири во второй половине 1970-х гг. проектировали и монтировали блоки массой до 450 т, а США в это же время применяли на Аляске суперблоки массой до 1300 т. При поддержке нового метода отечественным машиностроением обустройство месторождений могло быть менее трудоемким, что позволило бы избежать привлечения в регион десятков тысяч работников.

Комплексы и комплексность

Термин «комплексность» означает прежде всего взаимоувязанное размещение промышленности, планомерное и пропорциональное развитие внутриотраслевых, межотраслевых и межрайонных связей, а северные ТПК рассматривались главным образом как базы, добывающие сырье: большую часть продукции транспортировали отсюда в европейскую часть страны. Вместе с тем наращивание добычи природных ресурсов Севера было невозможно без развития многих других отраслей промышленности. Добыча и транспорт нефти и газа потребовали огромного количества электроэнергии, надежных транспортных магистралей, колоссальных объемов строительных работ, развития социальной инфраструктуры РНПО. В результате регион накрыл настоящий индустриальный «взрыв». Если в 1965 г. электровооруженность труда в промышленном секторе экономики

⁶ См.: Траектории проектов в высоких широтах. С. 211.

⁷ См.: Летопись Севера. М., 1985. Т. 11. С. 103.

⁸ ГА РФ. Ф. 5587. Оп. 18. Д. 2190. Л. 71.

Тюменской области была ниже среднесоюзной в 3,9 раза, в 1970 г. — в 2,4 раза, то в 1975 г. она уже превосходила общесоюзную на 13%.⁹ Резкий скачок в росте добычи нефти и газа был обеспечен благодаря строительству баз стройиндустрии, нефте- и газопроводов, железных дорог, аэродромов и других объектов. В 1966–1985 гг. в Тюменской области было введено 23 748 км линий электропередач, свыше 7 тыс. км нефтепроводов и 22,8 тыс. км газопроводов, построены газоперерабатывающие заводы мощностью в 18 млрд м³ переработки газа в год. Протяженность железных дорог в области увеличилась за тот же период с 500 до 2 400 км (в 1990 г. — 4 100 км), автомобильных дорог с твердым покрытием — с 200 до 9 800 км (в 1990 г. — 15 600 км).¹⁰ Кроме того, были созданы мощные базы стройматериалов, построены Тобольский и Томский нефтехимические комбинаты.

Необходимость разработки уникальных месторождений обусловила индустриализацию Тюменского Севера, но создание производств, не направленных непосредственно на добычу сибирских углеводородов и на их транспортировку за пределы региона, осуществлялось с большим запозданием и недостатками. Например, ввод газоперерабатывающих заводов задерживался в среднем на 10 лет, темпы развития энергетики отставали от темпов развития нефтяной и газовой промышленности на 5 лет. Чаще всего к началу эксплуатации новых месторождений готовы были только магистральные трубопроводы, а остальные объекты обустройства вводились спустя 3–4 года. Особенно задерживалось строительство автомобильных дорог. Между тем география расположения месторождений Западной Сибири такова, что обеспечение опережающего строительства дорог к новым промыслам, объектов электроэнергетики и т. д. позволило бы решать очень многие вопросы гораздо эффективнее. По-иному в этом случае выглядела бы и вся организация работ.

С середины 1970-х гг. начался сдвиг инвестиционной деятельности и добывающей промышленности в новые районы, главным образом на Дальний Север. Но в Ямало-Ненецком округе были те же просчеты, что ранее были

допущены на Ближнем Севере, в Югре. Об издержках освоения ресурсов Ямала «Социалистическая индустрия» писала в серии статей: «Арктический десант», «Дорога в никуда?», «Завтра будет поздно».¹¹ Отсутствие комплексности, отмечалось в публикациях, затрудняло решение многих организационных, экономических, инженерно-технических и социальных задач. Главным упущением Госплана и Мингазпрома СССР было то, что освоение Бованенковского нефтегазоконденсатного месторождения (БНГКМ) на Ямале рассматривалось как частная задача, вне связи с общей генеральной схемой освоения полуострова, предполагавшей создание здесь производственно-транспортной инфраструктуры. В результате к БНГКМ подступались еще в 1980-е гг., а освоение началось только в 2012 г.

Заклинания о необходимости комплексного развития производительных сил Севера в 1960–1980-е гг. звучали с высоких трибун регулярно, но были бесполезны. В советской экономике единственным фактором, реально сдерживающим рост добычи природных богатств были ресурсные ограничения. Все прочие факторы не могли «противостоять» стремлению экономической системы к экстенсивному саморасширению. Проблема дефицита ресурсов «решалась» путем упрощения производственно-технологической структуры создаваемых объектов, отказа от развития комплексирующих производств в РНПО.

«Экономии» и на социальных пунктах программ. Советские лидеры связывали успехи страны с экономическими достижениями. Однако они не учитывали необходимую связь между экономическим ростом, с одной стороны, и благополучием человека — с другой. Советская экономика была экономикой «дешевого» человека. Пренебрежение его интересами было особенно заметным в РНПО. Одни и те же просчеты наблюдались при реализации Ангаро-Енисейской программы в 1950-е гг. и Западно-Сибирской нефтегазовой — в 1960–1980-е гг.

Экономика «дешевого» человека позволяла уменьшить расходы на старте северных проектов, а затем оборачивалась значительно большими потерями для государства. Как подсчитали специалисты Межведомственной территориальной комиссии (МВТК) Госплана СССР по Западной Сибири, каждый рубль,

⁹ См.: Булага Э. П. Состояние и проблемы развития энергетики нефтегазового комплекса Западной Сибири // Проблемы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Новосибирск, 1980. С. 179, 180.

¹⁰ См.: Карпов В. П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Тюмень, 2005. С. 300, 304.

¹¹ Социалистическая индустрия. 1988. 4, 5, 6 февр.

экономленый на жилье, соцкультбыте, а фактически — на людях, их удобствах, благополучии и здоровье, оборачивался недоосвоением 4 рублей в сфере производственной.¹²

Население в нефтегазовых районах на 3/4 прирастало за счет миграции в новые города и поселки. С начала 1980-х гг. наблюдался особенно быстрый рост численности населения в только что возникших городах и рабочих поселках (в Нягани, Ноябрьске, Радужном, Когалыме), расположенных вблизи средних по запасам месторождений, а также в Надыме и в Новом Уренгое. Северу требовались хорошие специалисты, но, чтобы они закрепились на новом месте, надо было обеспечить хорошие условия. Однако к 1980 г. в Новом Уренгое проживало 17 тыс. человек и не было ни одного капитального дома. Подавляющая часть новоуренгойцев размещалась в самодельных балках и вагончиках (и это — около Полярного круга!). Близок к такому положению был базовый поселок месторождения Медвежье — Пангоды. Тысячи балков и вагончиков оказались разбросаны по большой площади вблизи Надыма.

Более половины тех, кто отважился на переезд в высокие широты, уже в течение первого года возвращалось на «материк». В результате для того, чтобы закрепить на Крайнем Севере одного человека, нужно было привлечь туда пятерых–шестерых.¹³ В начале освоения Тюменского Севера негативные стороны миграции (большие валовые обороты, высокие коэффициенты оттока) могли рассматриваться как закономерный процесс: в регионе заново создавалась не только социально-бытовая инфраструктура, но и производственная. Но и в последующий период ситуация не изменилась. В 1970–1980-е гг. обозначилось отставание Севера по количеству жилья, детсадов, больниц и т. д. По уровню развития социальной инфраструктуры Тюменская область занимала к середине 1980-х гг. 40–50-е места среди других краев и областей России, значительно отставая от нормативных показателей.¹⁴ Капитальные вложения в жилищно-гражданское строительство росли в абсолютных цифрах, но их доля в общем финансировании севера Тюменской области неуклонно сокращалась: в восьмой пяти-

летке она составляла 17,0 %, в девятой — 13,0 %, в десятой — 10,0 %, в одиннадцатой — 9,1 %. Затраты на социальную сферу были ниже, чем в обжитых районах СССР и Российской Федерации.¹⁵ Похожая ситуация складывалась в другом нефтегазовом комплексе — Тимано-Печорском (Коми АССР и Ненецкий АО).

Север и техника

Новое строительство в высоких широтах резко повысило роль Севера в народнохозяйственном комплексе СССР, но дальнейший подъем в соответствии с «Генеральной схемой» не состоялся. Одной из причин замедления темпов роста стали просчеты в научно-технической политике. Согласно «Генеральной схеме» развития науки, намечалось в течение 20 лет увеличить численность научных работников вчетверо, текущие ассигнования на научную деятельность — в 10 раз, капитальные вложения в сферу науки и научного обслуживания — в 30 раз.¹⁶ Однако оказалось, что механический рост вложений в науку не дает ожидаемого результата. В неконкурентной экономической среде достижения научно-технического прогресса (НТП) были не востребованными, а цикл «наука–производство» слишком затягивался. Сама система директивного планирования тормозила внедрение новых разработок в производство. По оценкам экономистов, средняя продолжительность научно-производственного цикла в СССР составляла в 1970-е гг. 17,5 лет, в то время как в США — 6–8 лет при снижении этого срока к концу 1970-х гг. до 4–5 лет.¹⁷

Одним из приоритетных направлений НТП стало развитие вычислительной техники. К середине 1960-х гг. в СССР суммарный годовой выпуск всех типов ЭВМ составлял около 1 тыс. штук, при этом насчитывалось 1,5 тыс. программистов (в США к тому времени работало 50 тыс. программистов, примерно таким же было и соотношение количества ЭВМ в обеих странах). Очевидное отставание СССР требовало принятия решений на самом «верху»: проводить ли унификацию производства ЭВМ

¹² Человек на Севере: ред. ст. // Известия. 1985. 16 сент.

¹³ См.: Круг забот за Полярным кругом: ред. ст. // Советская культура. 1986. 9 окт.

¹⁴ См.: Гаврилова Н. Ю., Карпов В. П. Жилищно-гражданское строительство в районах нового промышленного освоения Севера Западной Сибири (1964–1985 гг.) // Налоги, инвестиции, капитал. 2002. № 1, 2. С. 244.

¹⁵ Пашков Н. М. Городское строительство в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири // Урбанизация советской Сибири. Новосибирск, 1987. С. 172.

¹⁶ Артёмов Е. Т. Научно-техническая стратегия времен «хрущевского десятилетия»: зигзаги реформ // Экономические реформы в России XIX–XX вв. Новые подходы, методы и технологии исследования: материалы Междунар. науч. конф. М., 2011. С. 20–23.

¹⁷ См.: Глазьев С. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М., 1993. С. 209.

и их массового выпуска в стране на базе одной из советских ЭВМ или переходить на «линейку» зарубежных машин? Решение было принято в пользу американской системы IBM-360 (январь 1967 г.). Эта позиция советского руководства предопределила отставание отечественного производства микрокомпьютерной техники.¹⁸ Отчасти «виновницей» принятия ошибочного решения была и большая тюменская нефть: победило мнение, что вкладывать деньги в добычу сырья надежнее и проще, чем в наукоемкие производства. Если в 1960 г. вывоз сырой нефти из страны составлял 17,8 млн т, то в 1980 г. — уже 119 млн т, или треть всей добываемой нефти. 40 % валютных доходов были направлены на приобретение за рубежом машин, оборудования и целых заводов.¹⁹

В 1970-е гг. СССР всё больше уступал Западу в развитии вычислительной техники. Несмотря на то что к 1976 г. в Западной Сибири было комплексно автоматизировано 12 из 18 нефтяных и 5 газовых промыслов из 6, внедряемая автоматика была низкого уровня, а эффективность создаваемых автоматизированных систем управления (АСУ) промыслами определялась их технической базой: машины, которыми в основном оснащались вычислительные центры отраслей ЗСНГК, не могли обеспечить должный уровень автоматизации из-за недостаточного быстродействия и объема оперативной памяти.²⁰ Важно отметить, что для нефтяной промышленности задачи прогноза и перспективного планирования основных показателей разработки месторождений в рамках АСУ имели первостепенное значение.

Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс был главным проектом СССР в 1960–1980-е гг. Поэтому страна направляла в новый район лучшее оборудование и машины. Наряду с отечественными, использовались и последние образцы зарубежной техники, закупаемой через Машиноимпорт: газлифтные комплексы, вездеходы, экскаваторы, бульдозеры, погружные электронасосы, трубы, радиотелеметрические системы, радиоаппаратура, ЭВМ производства ГДР, Венгрии, Чехословацкой социалистической республики, Польской-

народной республики, Англии, Канады, США, ФРГ, Японии. Вместе с тем чрезмерное увлечение закупкой импортного оборудования не стимулировало собственные разработки, особенно создание техники и оборудования в северном исполнении. На Север поставлялись не принципиально новые машины, а серийные модели, которые затем приспособивали к работе в условиях низких температур. Например, все типы буровых установок разрабатывались в СССР на базе сравнительно длительного опыта бурения нефтяных и газовых скважин в районах Баку, Грозного, Краснодар и впоследствии в Куйбышевской области, Татарии и Башкирии, но слабо учитывали условия Севера. В общем объеме машин и механизмов доля техники, предназначенной для работы в северных условиях, в начале 1980-х гг. составляла лишь 2–3 %.²¹

В постановлении Госкомитета СССР по науке и технике от 31 мая 1983 г. № 239 отмечалось, что «из-за недостаточного количества производимой в северном исполнении техники в районах с низкими температурами в зимний период приходится эксплуатировать машины в исполнении для умеренного климата, что приводит к снижению их производительности в среднем в 1,5 раза по сравнению с летним периодом, фактический срок службы сокращается по сравнению с нормативами в 2–3,5 раза. Все это приводит к огромным народнохозяйственным потерям, которые исчисляются десятками миллиардов рублей. Почти полностью отсутствуют системы машин, механизмов и оборудования, обеспечивающие комплексную механизацию и автоматизацию процессов разработки природных ресурсов, что особенно важно в условиях дефицита трудовых ресурсов и высокой стоимости работ, характерных для районов Севера».²²

Даже те промыслы, которые вводились в 1960-е гг. комплексно автоматизированными, при их дальнейшем расширении без должного внимания к проблемам автоматизации и телемеханизации переставали отвечать современным требованиям. Выходило из строя оборудование, выпущенное в 1960-е гг., устаревшее не только физически, но и морально. Это не замедлило сказаться на численности работников. На сибирских промыслах в 1980-е гг. численность персонала была в несколько раз

¹⁸ См.: Бородкин Л. И. О механизмах принятия решений в научно-технической сфере в СССР в 1960–1980-х гг. // Экономические реформы в России XIX–XX вв. С. 23–27.

¹⁹ См.: Карпов В. П., Гаврилова Н. Ю. Нефть во внешней политике и торговле Советского Союза в 1960–1980-е годы // Изв. высш. учеб. заведений. Нефть и газ. 2002. № 4. С. 119.

²⁰ См.: Карпов В. П. Нефть, политика и научно-технический прогресс // ЭКО. 2013. № 9. С. 60.

²¹ См.: Возняк В. Я. Проблемы экономики строительства Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. М., 1983. С. 51.

²² ГА РФ. Ф. 5587. Оп. 18. Д. 2190. Л. 107.

больше, чем на зарубежном Севере. В 1986 г. в Нижневартовске, главном районе нефтедобычи в Западной Сибири, на одного занятого в основном производстве приходилось 5–6 и более работников обслуживающих отраслей и управленцев. В то же время на зарубежном Севере это соотношение выглядело как 1:1 и даже 1:0,5.²³

Жертвывая долгосрочными интересами, руководство страны оказалось в плену ситуационных решений. Мерилом оценки деятельности министерств и ведомств стал объем производства определенных видов продукции, а стратегические цели «Генеральной схемы» остались в значительной степени отвлеченной теорией. В результате многообещающее начало создания новых индустриальных очагов на Севере в 1960-е гг. завершилось их кризисом в 1980-е гг. Особенно заметным был спад в развитии ЗСНК, где уже в 1970-е гг. стало быстро

нарастать отставание производственной и социальной инфраструктуры от объемов нефте- и газодобычи. Сходные проблемы были и в соседних с Тюменским Севером нефтегазодобывающих районах Коми АССР и в Ненецком АО. Приоритетом оставалась добыча и, в лучшем случае, переработка сырья. Не удалось преодолеть издержки односторонней, транспортно-энергетической специализации РНПО. В 1970–1980-е гг. страна «уверенно» теряла позиции одного из лидеров мирового научно-технического прогресса, завоеванные в 1950-е гг. В результате не была решена главная задача — взять богатства Севера «не числом, а умением». Прирост производства в 1980-е гг. обеспечивался экстенсивным путем, за счет увеличения численности трудовых коллективов, что вызвало дополнительные затраты финансовых и материальных средств и еще более усугубило проблемы в социальной сфере.

Victor P. Karpov

Doctor of Historical Sciences, Tyumen State Oil and Gas University (Russia, Tyumen)

E-mail: 7654321.58@mail.ru

THE NORTH AND THE ARCTIC IN THE USSR'S "GENERAL PERSPECTIVE":
PROBLEM OF COMPREHENSIVE DEVELOPMENT

The article presents an analysis of the USSR's state policy implementation in the northern and the Arctic territories in the 1960–1980s. The accumulated by the early 1960s research and economic potential resulted in a search for new approaches to regional policy development. This was dictated by the tasks faced by the country: the need of modernization of the economy's production assets, accelerated scientific and technical progress rate, advance development of hi-tech industries, and reorganization of energy balance structure in favor of oil and gas. A success in addressing the new tasks was supposed to cause major changes in the territorial development of production forces. This predetermined the need for drafting the "General plan for the development and placement of production forces in the country and its regions" (1960), which characterized the main areas of development of the unified economic system of the USSR by industries and development territories. This plan provided for the creation of major territorial production complexes (TPC), and determined their role within the national economy structure. The article studied discrepancies between the theory and practice of the northern TPCs creation; explained how and why the comprehensive approach principle was not followed. One of the main projects of the 1960–1980s was the West-Siberian oil and gas complex. Particular attention was paid to research and technological policy of its creation. It was demonstrated that mistakes were common also for other TPCs of the North. The author studied the problems of the state northern policy within the context of modernizational and mobilizational conceptual approaches.

Keywords: *North, Arctic, clusters, natural resources, plan, research, science, technology*

²³ Круг забот за полярным кругом.